

на наших предшественников. А.М. Решетов обратился к коллегам с просьбой проявить активность в подготовке “Биобиблиографического словаря отечественных этнографов и антропологов”.

С.И. В а й н ш т е й н (Москва) остановился на страницах истории института 1940–1950-х годов. Он говорил о научных проблемах, являвшихся в те годы предметом жарких дискуссий, рассказал об экспедиционной деятельности, подробно охарактеризовав, в частности, результаты своей экспедиции к кетам летом 1948 г.

Становлению этносоциологии как нового научного направления было посвящено выступление М.Н. Г у б о г л о (Москва). Методологическим прорывом докладчик считает идеи, высказанные в 1965 г. на научной конференции в Минске, которая была посвящена анализу внутрикласовых различий в социальной структуре народов СССР, а уже летом 1966 г. в институте был создан сектор конкретных социологических исследований культуры народов СССР и развернуты широкомасштабные этносоциологические исследования.

Политическую роль этногенетических исследований проанализировал В.А. Ш н и р е л ь м а н (Москва). Любая этническая общность формировалась на основе нескольких компонентов. Это дает возможность выбирать тех предков, которые лучше “соответствуют” складывающейся этнополитической обстановке. Этот тезис докладчик проанализировал на примере пяти азербайджанских версий этногенеза (тюркская, автохтонная, мидийская, албанская и снова тюркская), последовательно сменявших друг друга на протяжении советского периода.

Н.В. Х о х л о в (Москва) представил CD ROM, подготовленный к юбилею института. В текстовой и иллюстративной частях материала диска отражена история ИЭА, содержатся сведения о его сегодняшнем дне, основных направлениях исследовательской, экспедиционной и издательской деятельности.

Интересную программу для юбилейной конференции подготовила лаборатория аудиовизуальной антропологии ИЭА. Участники просмотрели этнографический фильм “Арктическая Троя”. Комментарии к фильму дал чл.-кор. РАН С.А. А р у т ю н о в.

Среди участников конференции были музыканты и солисты вокально-инструментального ансамбля “Гранада”. В репертуаре ансамбля – песни и мелодии народов мира, его концерт был восторженно принят зрителями, которыми стали участники конференции и команда корабля.

Насыщенной оказалась познавательная программа конференции. Ее участники осмотрели исторические достопримечательности Углича, побывали на концерте старинных духовных песнопений, состоялось неформальное дружеское общение на “зеленой” стоянке в живописном прибрежном бору.

Ю.Д. Анчабадзе

ЭО, 2004 г., № 1

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «”МУЖСКОЕ” В ТРАДИЦИОННОМ И СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ»

16–18 апреля 2003 г. в Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН и Российском НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева Министерства культуры РФ и РАН проходила 3-я ежегодная научная конференция «"Мужское" в традиционном и современном обществе»*, в которой приняли участие представители 37 организаций из 22 городов России, Украины и Белоруссии. В их числе крупнейшие научные центры РАН и Министерства культуры РФ: Институт мировой литературы (ИМЛИ), Институт славяноведения, Институт социологии, Институт психологии, Институт европейских культур, Карельский научный центр (Петрозаводск), Коми научный центр (Сыктывкар), Российский институт истории искусств (С.-Петербург), а также Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российский этнографический музей, Центр независимых социологических исследований (С.-Петербург), Харьковский центр гендерных исследований,

* Подробнее с материалами конференции можно познакомиться на сайте ИЭА РАН <http://www.iea.ras.ru>. См. также: “Мужское” в традиционном и современном обществе. Матер. науч. конф. (Москва, 16–18 апреля 2003 г.). М., 2003.

Сибирская академия образования (Уфа) и 21 университет, среди которых МГУ, РГГУ, СПбГУ, Белорусский государственный университет, Харьковский и Одесский национальные университеты, Московский педагогический государственный университет, Европейский университет (С.-Петербург) и др.

Гендерные исследования традиционно уделяли внимание преимущественно женщинам – “мужская” же тематика долго оставалась на периферии гендерного анализа. Недостаточная разработанность данной проблематики стала одной из причин всплеска интереса к ней у представителей многих гуманитарных дисциплин – психологов, этнографов, филологов, историков, культурологов. В настоящее время она находится в фокусе научного и общественного внимания как в России, так и за рубежом. Об интересе к теме свидетельствует рост числа публикаций и научных мероприятий, посвященных гендерной маскулинной тематике: например, ряд исследований и конференций в США (University of Illinois at Urbana-Champaign/Summer Research Laboratory) и Германии, издания Института этнологии и антропологии РАН (“Мужской сборник”, публикации Центра этногендерных исследований ИЭА РАН) и Московского центра гендерных исследований Института социально-экономического прогнозирования РАН и др.

Данная конференция была посвящена обсуждению этнопсихологических и этносоциологических аспектов маскулинности. Для участия в ней было подано более ста заявок, на основании которых было сформировано пять секций. Докладчиками были представлены результаты исследований мужских и женских стратегий поведения (секция “Мужские стратегии поведения: система ценностей и образ жизни”), этнопсихологических аспектов воспитания мальчиков (секция “Гендерные аспекты воспитания и межвозрастных переходов”), этноконфессиональных особенностей “мужского” (секция “Мужские и женские этнообразы”), а также проблем конфликтности и агрессивности в различных социокультурных, этнокультурных и профессиональных группах (секция “Мужчина в социокультурных и профессиональных группах: конфликтность и агрессивность”).

В докладах на пленарном заседании, задавших основные направления дискуссии, речь шла о характерных для мужских сообществ ценностных доминантах и типах мужественности в разных культурах, мужских и женских стратегиях поведения, о различных подходах к описанию “мужского”.

Основной акцент дискуссии был сделан на обсуждении стандартов мужественности в разных типах культур, их изменчивости и адаптивности в современных условиях. И.С. Конон (Москва) указал на существование двух типов маскулинности: *фаллократии*, основанной на силе, прежде всего сексуальной, и *логократии*, ставящей во главу угла рациональное начало. Эти два типа, объединенные Ж. Лаканом в 1950-х годах в общем понятии *фаллоцентризм* и противопоставляемые женскому эмоционально-экспрессивному началу, лежат в основе архетипических представлений о “женском” и “мужском” в разных типах культур, обеспечивая социальное господство мужчин, доминирование понятий разума/логоса, рационального начала и фаллоцентризма. Причем немаловажно, что важнейшей референтной группой для мужчины первоначально являются не женщины, а другие мужчины (гомосоциальность), конституирующие же маскулинность начала находятся в постоянной борьбе друг с другом. Оппозиция фалло- и логоцентризма, за которой стоят альтернативные модели маскулинности, существует не только в европейских, но и в других культурах, о чем свидетельствуют образы христианских и буддийских святых и вероучителей, еврейских цадиков и т.п. По мнению докладчика, эта оппозиция сохраняет нормативное значение и в новое время, хотя и секуляризируется. Ее изучение важно не только для истории религии, но и для понимания креативных возможностей меняющейся в современном мире маскулинности.

К проблеме множественности моделей маскулинности и их изменчивости, поставленной на пленарном заседании, неоднократно возвращались как на секционных заседаниях, так и на завершившем конференцию “круглом столе”.

Н.Л. Пушкарева (Москва) в докладе “Иванушка-дурачок как зеркало гендерного баланса”, построенном на анализе текстов русских сказок и паремий, констатировала существование в русской традиции нетипичной или альтернативной маскулинности, не сводимой к традиционным западным патриархальным образцам. Западная нормативная модель “мужественности”, по мнению докладчицы, никогда не имела шансов на воплощение в России, “где веками были скованы возможности свободного волеизъявления и независимого действия, где общинно-родовое начало было сильнее индивидуального, детерминируя и групповое, и коллективное сознание и самосознание”. В русском традиционном быту и фольклоре в качестве проявлений “мужского” оказались значимыми не только категории профессионализма и успешности, но и способность к состраданию и самоотречению, к заботе о ближнем, т.е. те свойства, “которые могут оказаться, с одной стороны, необычайно притягательными для женщины, а с другой – более важными, чем физическая сила”. Причем использование “женских” механизмов достижения успеха вовсе не означает отказа от иных важных признаков “мужского”.

М.Г. Котовская и Н.В. Шалыгина (Москва) в докладе “Феномен мачизма” анализировали причины популярности в современной массовой культуре понятий “мачо” и “мачизм”, проведя экскурс в историю их возникновения в странах Латинской Америки в эпоху конкисты и рассмотрев их эволюцию в современном мире. Обычно эти понятия используют, «когда хотят подчеркнуть особый тип мужского поведения, обладающий ярко выраженной брутальностью, сильным зарядом примитивной сексуальности, доминированием “самцовости” в мировоззренческих установках личности». Но детальный анализ психологического типа обладателя этих признаков “свидетельствует о том, что основу этой модели мужского поведения скорее составляет комплекс слабости, нежели культ силы. Так ведет себя человек, у которого нет реальной власти, возможности управлять ситуацией”. Демонстрация мужественности, агрессивности и силы является для “мачо” своеобразным ритуалом, и это мало связано с реальными жизненными установками. Об этом свидетельствуют и проведенные докладчицами наблюдения за представителями латиноамериканской диаспоры в Соединенных Штатах.

И.Д. Черных (Одесса) в докладе «Соотношение “мужского” и “женского” в индийской и китайской мировоззренческих парадигмах» сопоставила европейский мировоззренческий принцип иерархического дуализма, при котором мир воспринимается как оппозиция “мужского” и “женского”, и характерную для традиционного китайского общества концепцию инь/ян, которая отражает двуединую природу вещей, т.е. принцип взаимобратимости и взаимозависимости женского и мужского в их целостности, их равновесие как условие существования целого. Аналогичное соотношение характерно и для индуизма. Все персонажи и образы индуистского пантеона объединены стержневой идеей *шакти* – неразрывного единства мужского и женского начал. Без своей женской ипостаси ни один бог не в состоянии выполнять свои функции. Согласно индуистской концепции, цель существования “женского”, рассматриваемого в качестве энергетической, созидательной силы, – реализоваться в “мужском”. Это позволяет сделать вывод, что рассматриваемые восточные традиционные мировоззренческие парадигмы, в отличие от западной, исключают антагонизм между “мужским” и “женским”, следовательно, не содержат оснований для легитимизации гендерного конфликта.

Близкая проблематика обсуждалась также в докладах С.А. Ушакина (Иллинойс – Москва) “Ревизия мужественности (раз)влечение различия”, В.А. Суковой (Харьков) “Маскулинность и квин-идентичность в литературных и академических практиках России и США” и в выступлениях на “круглом столе”.

Второй проблемой, ставшей предметом углубленного анализа, оказалась система ценностей, характерных для мужских субкультур. Было уделено внимание различным составляющим аксиосферы “мужского” начиная с первобытного общества (С.В. Гусев (Москва) “Культ фаллоса у охотников-собирателей”) и заканчивая современностью.

В докладе Е.А. Окладниковой (С.-Петербург) «Аксиология “мужского”» был сделан анализ основных элементов “аксиосферы мужского”, формирование которой «было результатом осознания необходимости сплочения мужского сообщества перед лицом “другого”, или “природного”, “животного”, “женского” и т.п., которое часто демонизировалось по принципу “Мы – Они”». По мнению докладчицы, мужское общественное мнение социально конструировало аксиосферу “мужского” посредством категорий “места”, действия” и “знака”. Картография “мужского” пространства (работа, офис, ресторан, баня, дорога, арена стадиона) конструировала гомосоциальность. Ценностями этого “места” или пространства “мужского” в традиционной и современной культурах становятся сплоченность и профессионализм. Ценностями “мужского действия” оказываются агрессивность, контролируемые поведенческими ритуалами сексуальность, активность, боевитость, мускулистость. Эти ценности репрезентируются через практики тела, агрессию и насилие (или их сублимацию в деятельности в областях “спорта”, “дороги”, контролируемой сексуальности, смеховых практик). Процесс аксиогенеза “мужского” в истории культуры развивался посредством укрепления правил “гендерного договора”, который предполагает доминирование “мужских” ценностей над “женскими” и использование аксиосферы “мужского” для трансляции патриархальной модели культуры как универсального адаптивного механизма.

М.М. Валенцова (Москва) в докладе «Оппозиция “мужской”/“женский” в славянской культуре» отметила, что различие мужского и женского у славян присуще в основном человеческому миру, в то время как для сверхъестественных сил характерна либо бесполость, либо обоуполость. В обрядовой сфере идея обоуполости выражается во внешнем облике сакральных персонажей, их действиях и атрибутах. Противопоставление мужского и женского и приписываемые этим понятиям смыслы (добро/зло, сильный/слабый, счастливый/несчастливый и др.) ситуативно обусловлены. Мужское и женское “противопоставляется”, подчеркивается для того, чтобы точнее определить те стороны явления, взаимодействие и слияние которых обладает наибольшей творческой силой, завершенностью и

сакральностью. Отсюда известное по народным хроникам стремление к соединению этих начал в едином понятии (например, Покров и Покрова, Кузьма-Демьян).

В докладе “Женщина как территория (anima в мужском автобиографическом тексте)” С.Б. Адоньева (С.-Петербург) рассмотрела некоторые особенности мужского мировосприятия на примере дневника, написанного деревенским юношей в 1940-е годы. Докладчицей проанализированы ценностные критерии при выборе автором дневника партнерши и невесты, приводимые им градиции девичьей “порядочности” с точки зрения мужчины, описания взаимоотношений между полами в деревенской молодежной среде.

Исследованию системы мужских ценностей были посвящены также доклады Г.Г. Ершовой (Москва) «“Мужское” как элемент антропосистемы», Н.К. Радиной (Нижегород) «“Мужская культура”, агрессивность и террор: киноанализ и рефлексия социальных проблем», Т.Б. Рябовой (Астрахань) “Маскулинность в политическом дискурсе современного российского общества” и др.

Еще одной важной темой, обсужденной в рамках секции “Мужские стратегии поведения: система ценностей и образ жизни”, стали мужские стратегии поведения.

В.К. Шабельников (Москва) рассмотрел особенности мужских и женских стратегий поведения при изменении социальных условий, отметив, что различие поведенческих стратегий детерминировано различием социальных ролей: мужчина обеспечивает развертывание активности вида в пространстве окружающих ситуаций, а женщина – в системе его биосферных функций.

М.Л. Бутоская (Москва) в докладе “Половой отбор и различия мужских и женских сексуальных стратегий в традиционных и индустриальных обществах”, основываясь на теории сексуальных стратегий Басса, представила современное толкование базовых различий в стратегиях репродуктивного поведения мужчин и женщин в традиционном и современном обществе. Согласно этому подходу, принципиальные различия мужских и женских стратегий связаны с минимальным родительским вкладом, который при всех условиях многократно выше для женщины. Вследствие этого для мужчин репродуктивные усилия связаны в основном с поиском партнерши (статус, власть, ресурсы и территория – причины конкуренции среди мужчин, так как обладание этими ресурсами дает больше шансов на обладание женщинами), в то время как для женщин репродуктивные усилия реализуются преимущественно в форме родительских усилий (женщины ориентированы на поиск ресурсов, необходимых для успешного существования их самих и их потомства). Это привело к формированию различий в подробно проанализированных докладчицей критериях выбора постоянного полового партнера у мужчин и женщин.

В докладах В.Ф. Спиридонова (Москва) “Становление компетентности как механизм профессионального развития”, Е.Ю. Мещеркиной (Москва) “Биографическая структуризация мужского жизненного пути” и И.С. Веселовой (С.-Петербург) “Рассказ о первых штанах: об одном устойчивом сюжете в мужских автобиографических текстах” отмечалось, что восприятие мужчинами пройденного жизненного пути отличается от восприятия собственных биографий женщинами: мужчина больше внимание уделяет профессиональному росту, достижению карьерного успеха и преодолению материальных трудностей, в то время как семье уделяется меньшее внимание.

В докладе И.А. Морозова (Москва) “Мужчина и его двойники (культурные проекции мужской самоидентификации)” был проанализирован феномен двойничества как отличительная черта мужских субкультур. Были рассмотрены различные проявления этого этнокультурного феномена, его “культурные проекции”: близнецные культы, побратимство, дружба, взаимоотношения господина и слуги, учителя и ученика, создание виртуальных и материальных “копий” и др. Мифология двойничества может предполагать как взаимодополняющие отношения сотрудничества, так и отношения соперничества и вражды. Бог-Творец, Демиург обычно сопоставлен с парным персонажем, своей будущей супругой (“второй половиной”), братом или близнецом, которые выполняют роль его антагонистов, трикстеров (“плохой копии”), с которыми у него существуют отношения соперничества и вражды (напр., Шива и его супруга, Бог и Сатана). Земной ипостасью этой пары в разных традициях могут быть царствующая персона и престолонаследник, царь и самозванец, царь и шут. Специфика мужского двойничества в том, что оно помогает поддерживать важные для данной культуры (социума) константы маскулинности. Двойник необходим для виртуального или реального увеличения силы и могущества (в таком качестве выступают куклы, воплощающие “душу” или “магическую силу” шамана) и для контроля собственной мужской идентичности.

Большая группа докладов в рамках секции “Гендерные аспекты воспитания и межвозрастных переходов” была посвящена закономерностям социально-психологического развития мужчин. Многие докладчики высказывали мысль о том, что “мужское” в современном обществе претерпевает существенные изменения. Эта тема, в частности, затрагивалась в докладе Н.И. Андреевой (Саратов) “Гендерная культура в современном обществе”.

По мнению Л.Э. Семеновой (Нижний Новгород), родительские функции, связанные с направленностью на семейные ценности, недостаточно развиты у современных российских мужчин, в связи с чем насущной проблемой становится выработка ценностей отцовства.

В докладе Д.В. Громова (Москва) был поставлен вопрос о необходимости введения в научный оборот понятия “процедура инициационного типа”, описывающего ситуации, стимулирующие социально-психологическую перестройку личности и типологически близкие традиционным инициациям. Докладчик рассмотрел спонтанные процедуры инициационного типа, детерминированные насущными биологическими, психологическими и социальными задачами развития индивида.

В докладе Т.Б. Щепанской (С.-Петербург) “Посвятельные ритуалы в профессиональных традициях” были изучены современные ритуалы посвящения в профессию, большей частью относящиеся к тем профессиональным традициям, где профессионализм соотносится с мужскими качествами и противопоставляется женским. Женщинам, достигшим в них успеха, приписываются мужские качества. Эти ритуалы в целом воспроизводят схему мужской возрастной инициации: для них характерно символическое конструирование пространства посвящения как зоны смерти, а самого посвящения – как прохождения через смерть. От посвящаемого требуется идентификация с объектом профессиональной деятельности, подтверждение способности выживания в пространстве профессиональной деятельности, придание рабочему месту атрибутов “дома” и “домашности”. В докладе были приведены многочисленные примеры современных “профессиональных инициаций” и проанализированы их особенности.

Несколько выступлений было посвящено поведению молодых мужчин в кругу сверстников как в традиционном (А.В. Фролова, Москва, И.Н. Некрасова, Тверь), так и в современном (А.В. Шашкин, Казань, И.В. Людевиц, С.-Петербург) российском обществе. Отмечалось, что многие современные стереотипы молодежного поведения очень близки к своим архаическим аналогам и связаны с инициационными практиками.

Широкий спектр тем был представлен на заседании секции “Мужчина в социокультурных и профессиональных группах: конфликтность и агрессивность”. В докладе О.И. Моткова (Москва) “Мужское и женское: иллюзорность традиционных представлений о психологическом облике” было высказано мнение, что традиционные представления о психологическом облике мужчины и женщины ошибочны: психологические исследования позволяют утверждать, что у современных юношей и девушек практически одинаковы показатели таких параметров, как агрессивность, направленность личности, склонность к лидерству.

В.Н. Петров (Краснодар) проанализировал гендерные особенности толерантности–интолерантности в ситуации взаимодействия этнических мигрантов и местного населения и пришел к выводу, что мигранты-мужчины склонны придавать большее значение иноэтнической принадлежности партнера, они чаще вступают в конфликты, более сильно переживают чувство вражды, их ответная реакция более интенсивна, чем у женщин, обычно демонстрирующих сдержанность.

А.Н. Кушкова (С.-Петербург) в докладе “Отцовское проклятие: повседневная практика и народная юридическая традиция” исследовала практику отцовского проклятия и лишения наследства – юридических инструментов, выполнявших в традиционной русской деревне функции одного из регуляторов взаимоотношений между мужчинами разных поколений. Изучив данный конфликт в общем контексте конфликтных ситуаций, докладчица пришла к выводу, что конфликтность в русской деревне, как правило, сопровождала процесс получения индивидом нового социального статуса, вхождения в новую социальную роль.

Распространенную конфликтную ситуацию – ссору мужчин на дороге – рассмотрел В.А. Коршунков (Киров). В качестве причин специфического агрессивного поведения на дорогах указывались: отношение к дорогам как к мифологизированному пространству (“иномирию”), различие социальных и ритуальных статусов конфликтующих, особенности психологического состояния мужчин, оказавшихся за пределами “домашнего” пространства.

М.В. Яковлева (С.-Петербург) рассмотрела процессы современной социализации мужчин в контексте профессионального спорта. Докладчица отметила особую роль спорта как социального института, формирующего личность, способную быстро адаптироваться в изменяющемся мире, и выделила присущий ему зрелищный компонент, сопоставив его с образом женственности как “бытие-под-взглядом”. Было высказано мнение, что “женские” виды спорта обосновываются качественными характеристиками (артистичность, техника владения телом), “мужские” – количественными (результативность и агрессивность процесса), т.е. спорт репрезентирует традиционные гендерные роли, объясняет направленность социализации на приобретение визуальных атрибутов, присущих приоритетной социальной группе. Принадлежность к спортивному сообществу дает право на обретение статуса “мифологического” героя,

поскольку миф репрезентирует определенный образ спортсмена и связанные с ним поведенческие стереотипы.

На секции “Мужские и женские этнообразы” анализировалось соотношение “мужского” и “женского” в различных исторических и этнических обществах и группах. Было уделено внимание гендерным особенностям формирования и функционирования митраистских общин времен поздней Римской империи (П.В. Иванов, Тамбов), этноконфессиональной специфике формирования образа мужчин и женщин в башкирском (Ш.Р. Шакурова, Уфа) и татарском (Е.В. Кулагина, Казань) обществах, соотношению мужского и женского в традиционной белорусской обрядности (И.И. Дорочук и И.С. Маховская, Минск), гендерным особенностям рассказывания сновидений в традиции коми и хантов (В.Э. Шарпов, Сыктывкар), смехо-эротическому характеру половой инверсии в некоторых свадебных обрядах русских (М.Г. Матлин, Ульяновск).

На данной секции рассматривались также стратегии поведения индивидов в исторически наиболее ранних объединениях казаков на Дону (М.А. Рыблова, Волгоград) и в Запорожской Сечи (Р.В. Багдасаров, Москва), мужские стереотипы поведения у русских старообрядцев-липован Подунавья (А.А. Пригарин, Одесса).

Секция “Мужчина в зеркале искусства” была посвящена репрезентациям “мужского” в различных жанрах искусства: античной эпической и лирической поэзии (В.Ю. Михайлин, Саратов; П.В. Ковалев, Москва), казачьем песенном фольклоре (Е.М. Белецкая, Тверь), севернорусских песнях-дразнилках (Н.В. Дранникова, Архангельск), в творчестве Шекспира (А.Н. Гривенко, Москва), А. Кольцова (В.Н. Гуцинна, Воронеж), М. Криницкого (М.В. Михайлова, Москва), А. Нагродской (Н.А. Павлова, Тверь), О. Шапир (И.П. Олехова, Тверь), Е. Тур (О.В. Смирнова, Тверь), С. Зальгина и А. Медведской (Е.И. Маркова, Петрозаводск), в рекламных брендах (М.Ю. Тимофеев, Иваново), кинематографе (Н.К. Радина, Нижний Новгород), в творчестве современных художников (С.В. Комарова, С.-Петербург).

18 апреля был проведен “круглый стол” “Мужские ценности и мировые религии” с участием религиоведов, историков культуры, психологов, философов, представителей конфессиональных объединений, в рамках которого была сделана попытка осмыслить закономерности взаимодействия и взаимовлияния конфессиональных и гендерных факторов, а также их воздействие на формирование мировоззрения и культурных стереотипов различных социумов.

Ведущими “круглого стола” были Е.Ю. Мещеркина (С.-Петербург) и Р.В. Багдасаров (Москва). Выступающие затрагивали вопрос о правомерности постановки проблемы мужских ценностей для ряда мировых религий – как древних, исчезнувших, так и актуальных, действующих. Так, П.В. Иванов (Тамбов) показал, что митраизм можно считать воинской религией, где мужские ценности максимально выражены, а женщина вообще не могла быть посвящена в культ. С.Г. Антоненко (Москва) на примере бенгальского вайшнавизма продемонстрировал сложность применения европейских гендерных стандартов в индуизме, где существует сложная иерархия типов маскулинности в зависимости от статуса посвященного. Эту тему продолжил Д.В. Жуков (Москва), проведший год в буддийских монастырях Таиланда. Он рассказал также о роли и влиянии монашеской субкультуры в стране, где буддизм является официальной религией.

В выступлениях И.А. Снежковой (Москва) и Ш.Р. Шакуровой (Уфа) были затронуты проблемы маскулинности в современном исламе. Докладчицы отметили специфическую особенность российского ислама, который является важным ресурсом этничности и активно способствует формированию “новых” гендерных образов и ролей, провозглашая право мужчины “решать все”, что определяет соответствующий круг его обязанностей по отношению к семье и обществу.

Р.В. Багдасаров и С.А. Иникова (Москва) остановились на некоторых аспектах мужских ценностей в ортодоксальном и “народном” христианстве, в том числе в русском сектантстве. В ходе оживленной дискуссии присутствующими обсуждались вопросы религиозных стандартов маскулинности, влияние маскулинного образа Бога на социальные и культурные стереотипы, эволюция гендерной специфики мировых религий.

Д.В. Громов, И.А. Морозов